

ЭЛИЗАБЕТ
БОЙЛ

*Стать
куртизанкой*

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б77

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Elizabeth Boyle

HIS MISTRESS BY MORNING

Перевод с английского *Е. Ильиной*

Компьютерный дизайн *Э. Кунтыш*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения Avon Books, an imprint of HarperCollins Publishers и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Бойл, Элизабет.

Б77 Статья куртизанкой : [роман] / Элизабет Бойл ; [перевод с английского Е. Ильиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 352 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-135385-8

Нечаянно загаданное желание превращает скромную простушку Шарлотту Уилмонт в раскованную куртизанку Лотти Таунсенд — предмет вождления всех мужчин Лондона. Но ей, оставшейся в душе прежней Шарлоттой, нужна любовь лишь одного мужчины — Себастьяна Марлоу, виконта Трента...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Elizabeth Boyle, 2009

© Перевод. Е. Ильина, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

ISBN 978-5-17-135385-8

Глава 1

Лондон, 9 мая 1810 г.

*Обычная среда или, по крайней мере,
похожая на обычную*

Если бы кто-то взялся определить, что придает семье престижа среди ей подобных и особенно выделяет ее в светливом великосветском обществе, стоило бы, прежде всего, отметить такие достойные восхищения качества, как респектабельность, социальное положение и, что наиболее важно, богатство.

Конечно, ни одним из этих качеств не обладал ни граф Уолбрук, ни его пятеро детей. Исключение составлял разве что старший сын и наследник графа Себастьян Марлоу, виконт Трент.

Но о нем речь пойдет позже.

К счастью для Марлоу, они редко замечали собственное положение парий в обществе. Упоминания в колонках светских сплетен их не интересовали. К тому же среди множества окружавших их недоброжелателей все же нашлась одна восторженная почитательница — мисс Шарлотта Уилмонт, считавшая их самым замечательным семейством Лондона.

Их суматошный дом на Беркли-сквер был наполнен необычными вещами и предметами, которые присылал граф из путешествий, костюмами и декорациями, оставшимися от многочисленных домашних театральных по-

становок графини, приборами для научных экспериментов Гриффина, римскими сокровищами Корделии и коллекциями аккуратных вырезок из выпусков «Будуара модной дамы», принадлежавших Гермione и Виоле. Он напоминал скорее какой-то странный музей, нежели жилище, но для Шарлотты стал вторым домом.

Даже сейчас, стоя в холле в ожидании своей лучшей подруги леди Гермione и страшась той ужасной новости, которую она собиралась ей сообщить, Шарлотта чувствовала себя, неприметную мисс Уилмонт, частью этого дома и этой семьи.

Ей оставалось лишь догадываться, что сказали бы по этому поводу ее мать леди Уилмонт или тетя Финелла, в доме которой они проживали. Особенно если бы увидели стоявший в самом центре холла сундук с причудливой резьбой, на крышке которого гордо возвышалось эбонитовое олицетворение мужской плодовитости весьма внушительных размеров.

Тетя Финелла непременно выбросила бы этот эбонитовый фаллос в помойку. Шарлотта не удержалась и с любопытством взглянула в сторону сундука, однако тут же отвела глаза, ощутив легкое чувство вины, и заставила себя переключить внимание на серебряный поднос с возвышающейся на нем стопкой писем, приглашений и визитных карточек, адресованных членам семьи Марлоу.

При виде этой стопки дружеской корреспонденции сердце Шарлотты сжалось от зависти. Ведь ее никто не приглашал на званые вечера и приемы, никто не наносил визитов ее сварливой матери (поскольку на то имелись веские причины), никто не присылал с любовью написанных писем.

Шарлотта даже не представляла себе их содержания, ибо никогда не получала ничего подобного.

Венчала стопку самая желанная карточка на свете — приглашение на званый вечер к леди Ратледж.

Несмотря на то что последний месяц Гермione пребывала в ужасе от необходимости присутствовать на гря-

душем мероприятия, Шарлотта знала, что ее подруга ужасно расстроилась бы, не получив приглашения.

Ведь ежегодные званые вечера, которые устраивала леди Ратледж, вывели из неизвестности определенное количество юных представительниц благородных семей, возведя их на самый желанный пьедестал, наделив титулом идеальной леди.

Но, чтобы добиться этого, юная леди должна была обладать каким-нибудь талантом — неплохо петь, играть на пианино или же красиво и проникновенно декламировать стихи. Хотя отсутствие способностей не удерживало некоторых питавших надежду (или, вернее, подстрекаемых беспокойными мамашами) девушек от весьма — кхм, кхм — запоминающихся выступлений.

Шарлотта же получила всего несколько уроков игры на фортепьяно от своей тети Финеллы, совершенно не умела петь и не обладала ораторским искусством, а посему готова была скорее умереть, чем выставить себя на посмешище перед сборищем леди и лордов, великосветских сплетниц и франтов. А раз так, то, пожалуй, было совсем неплохо, что общество и думать забыло о незамужней дочери сэра Нестора Уилмонта.

Шарлотта собиралась уже отвернуться от переполненного подноса, когда ее внимание привлекла записка, выглядывавшая из-под стопки других писем. Она была подписана аккуратным женским почерком и адресована допочтенному виконту Тренту.

Шарлотта мечтательно вздохнула. Себастьян был старшим братом Гермiony и наследником графа Уолбрука.

Шарлотта вполне могла догадаться, кто прислал эту записку, но все же приподнялась на цыпочки и попыталась разглядеть хоть какой-нибудь намек на личность автора. И именно в этот момент дверь в задней части дома распахнулась.

Мгновенно выпрямившись, девушка с ужасом увидела, что в дом вошел не кто иной, как сам лорд Трент. Погруженный в раздумья, он даже не заметил, как Шар-

лотта отшатнулась в попытке слиться с обрамлявшими окно портьерами.

Как всегда в его присутствии, Шарлотта густо покраснела, а ее язык вдруг онемел и начал заплетаться.

«Да будет тебе, Шарлотта, — мысленно пожурела себя девушка. — Скажи же что-нибудь. Да что угодно».

Что ей всегда повторяла Гермиона?

«Ей-богу, Шарлотта, поговорив с ним хотя бы пару минут, ты сразу поймешь, что он так же скучен, как и все остальные. Мама клянется, что ее сына украли сразу же после рождения, подменив его Себастьяном, поскольку ее ребенок не может быть настолько благоразумным!»

В устах Гермионы подобное достоинство звучало как настоящий грех. Разве такое возможно, недоумевала Шарлотта, выглядывая из-за портьера.

Ведь она сама считала благоразумие Себастьяна одной из самых подкупающих черт его характера. Он взял на себя заботу о финансах и имуществе семьи в довольно юном возрасте — десять лет назад, сразу после того, как его отец отправился в путешествие по южным морям. Пока сверстники и друзья виконта проводили время в праздности, Себастьян удерживал семейство Марлоу на плаву, умело управляя делами и сдерживая непомерные аппетиты матери и сестер, обожавших тратить деньги на наряды и украшения.

Только посмотрите, что случилось с Шарлоттой и ее матерью, когда умер отец семейства! Рядом не оказалось никого, кто помог бы им вести дела, и в результате им пришлось поселиться в доме тети Финеллы.

Разве Себастьян жаловался, когда Гермиона тратила больше, чем положено? Когда научные эксперименты Гриффина заставляли половину Мейфэра содрогаться от очередного взрыва, или когда Виола приводила в дом еще одного бездомного пса? Разве Себастьян читал им нотации? Или впадал в ярость? Никогда. Шарлотта видела лишь человека, любившего свою семью, терпеливо выслушивавшего жалобы домочадцев, и прилагавшего все

силы к тому, чтобы скандальные и эксцентричные выходы не отбросили их на задворки общества.

«Ну же, скажи что-нибудь», — вновь приказала себе Шарлотта. В тишине ночи, когда она лежала в своей узкой постели, ей на ум приходили тысячи остроумных фраз, но стоило ей оказаться с Себастьяном лицом к лицу, все красноречие улетучивалось подобно брошенной в толпу пригоршне полпенсовых монет.

Конечно же, в темноте ночи ее идеальный Себастьян был совсем не таким сдержанным, с пиратской косичкой и озорным блеском в глазах. А она... она была одета в голубой бархат.

«О, Себастьян, ты нашел меня, — шептала она. — Я ждала тебя».

Возможно, кому-то эти слова могли показаться банальными, но при мысли, что ей удалось составить хотя бы одно внятное предложение в присутствии дерзкого пирата виконта, сердце Шарлотты начинало отчаянно биться.

А потом он брал ее руку и подносил к губам. «Шарлотта, моя дорогая, чудесная Шарлотта, смею ли я?..»

Шарлотта никогда не задумывалась о том, что могло бы произойти дальше, но это точно не было бы чем-то скучным или благоразумным.

И вот сейчас, когда Себастьян стоял всего в шаге от нее, воображение ей изменило, а сама она тотчас же превратилась в дрожащий комок нервов.

И неважно, что при этом он всего лишь стоял перед подносом и просматривал корреспонденцию, откладывая в сторону письма и карточки, предназначавшиеся его матери, и бегло просматривая те, что были адресованы ему.

Хорошо, что Себастьян ее не заметил, потому что Шарлотта могла лишь дышать и смотреть на него, стоявшего перед ней во всем своем ослепительном великолепии. На нем красовался ладно скроенный темно-зеленый сюртук, бриджи из буйволовой кожи и блестящие черные сапоги.

Изысканно завязанный белоснежный шейный платок довершал элегантный образ безупречного джентльмена.

Однако в ту же самую секунду Шарлотта похолодела, внезапно поняв, куда он направляется. И как она сразу не заметила букет флердоранжа, который Себастьян положил рядом с подносом?

Это могло означать ишь одно: Себастьян собирался нанести визит мисс Лавинии Берк.

Шарлотта невольно поморщилась. Лавиния Берк. Это имя вызывало у нее такое отвращение, что могло быть приравнено к словам «бубонная чума» и «Наполеон Бонапарт», хотя остальные жители Лондона не разделяли мнения Шарлотты.

Мисс Берк была дебютанткой нынешнего сезона, и каждое упоминание ее имени причиняло Шарлотте нестерпимую боль: ведь девушка обладала всем тем, чего была лишена она сама. Лавиния Берк была богатой, модной, остроумной, молодой и, что самое отталкивающее, очень хорошенькой.

Получив титул идеальной леди от трех непререкаемых авторитетов — «Морниг пост», леди Ратледж и, конечно же, безупречного и весьма разборчивого Браммелла*, — эта набиравшая популярность наследница стала самой желанной юной леди Лондона.

Каждый раз, когда она думала о мисс Берк, в голову Шарлотте неизменно приходила какая-нибудь неподобающая фраза, но сегодня она не только отчетливо увидела пропасть, отделявшую ее от этой девушки, но и в полной мере осознала, сколь несбыточна ее собственная заветная и тщательно скрываемаемая от всех мечта.

— О господи, Шарлотта! — воскликнула леди Гермiona, поспешно спустившись по ступеням. — Я уж думала, ты никогда не приедешь! Наследство большое? Огромное? Если да, то вчера в магазине мадам Клоди я видела потрясающее платье, которое ты непременно

* Джордж Браммелл — английский светский лев, законодатель моды в эпоху регентства. — *Здесь и далее примеч. пер.*

должна купить. Она сшила его для другой женщины, но та его так и не забрала, а тебе оно подойдет просто идеально. Но сначала мы должны отправиться в парк. Уже почти три часа, а ты знаешь, кто будет прогуливаться там верхом. Я придумала новую позу, которая несомненно привлечет его внимание. — Гермiona тотчас же ее изобразила. Получилось невероятно смешно, но Шарлотта до сих пор пыталась подобрать слова, чтобы заговорить с Себастьяном, и потому ничего не ответила Гермione. Впрочем, подруга ничего не заметила и продолжила тараторить в своей рассеянной манере. — Вот что я тебе скажу: между твоим новым платьем и моей великолепной позой мы сделаем так, чтобы эта противная мисс Б... — В этот момент Гермiona заметила брата и осеклась.

Себастьян смотрел на нее так, словно она повредила умом.

— С кем это ты разговариваешь, Гермiona?

— С Шарлоттой, — ответила девушка, указывая на шкаф.

Себастьян развернулся, и его глаза округлились от удивления. Ведь Шарлотта стояла всего в шаге от него.

— Мисс Уилсон, я вас не заметил.

О, как же унизительно. Он даже не смог разглядеть ее на фоне портьер и не запомнил ее имени.

Шарлотта вышла из тени — слишком поспешно и совсем не так грациозно, как следовало передвигаться настоящей леди, — и тут же врезалась в сундук.

Драгоценное эбонитовое достоинство покачнулось, наклонилось и опрокинулось. Шарлотта вовремя успела его подхватить, но уже в следующее мгновение поняла, что стоит перед лордом Трентом, сжимая в руках огромный мужской... мужской... — о господи! — орган.

Щеки Шарлотты опалила краска стыда.

— Я... э... да... ну... э... — забормотала она.

На помощь ей тотчас же пришла почти всегда уравновешенная и уверенная в себе Гермiona. Быстро спустившись по ступеням, она выхватила злополучную вещь из

рук подруги и водрузила ее на крышку сундука, словно это была обычная ваза из веджвудского фарфора.

— Себастьян, ты самый невыносимый на свете брат, — укорила виконта Гермiona. — Ее фамилия Уилмонт: не Уилсон, не Уилтон, а мисс Шарлотта Уилмонт, моя самая близкая подруга последние пять лет. И то обстоятельство, что за это время ты так и не удосужился запомнить ее имя, свидетельствует о том, что ты самый бестолковый человек из ныне живущих.

— Примите мои извинения, мисс Уилмонт, — произнес Себастьян, отвесив еле заметный поклон.

Шарлотта лишь кивнула, не доверяя своему ставшему совершенно безвольным языку.

Но Гермiona не унималась:

— Тебе следует относиться к Шарлотте более внимательно. Она только что получила большое наследство и в мгновение ока станет самой обсуждаемой девушкой в городе.

Переведя взгляд с Себастьяна на подругу, Шарлотта в отчаянии замотала головой.

— Нет-нет, все совсем не так.

— Глупышка! — Взяв подругу под руку, Гермiona подвела ее к Себастьяну и витиевато взмахнула другой рукой, словно представляла брату королевскую особу. — Двоюродная бабушка мисс Уилмонт умерла, оставив ей огромное...

— Гермiona! — запротестовала Шарлотта. — Перестань! — О, все это превращалось в самый настоящий кошмар. Сначала фалос, а теперь это!

Но рука Гермiony дрогнула, и девушка лишь отмахнулась, словно сочтя такую скромность совершенно неуместной.

— Шарлотта, все и так станет известно, когда ты начнешь появляться на самых изысканных званных вечерах в роскошных платьях. Обрушившееся на тебя несметное богатство не превратит тебя в вульгарную девицу вроде некоторых известных нам особ. — Гермiona вздернула

нос и бросила исполненный презрения взгляд на букет. — Ты ведь не собираешься вновь нанести ей визит?

— А тебе-то какое дело? — вскинул бровь Себастьян. Гермиона застонала.

— О, мне есть до этого дело. Снобизм мисс Берк просто невыносим, и я не могу поверить, что ты вообще обратил на нее внимание. Я могла бы еще понять, если бы ты ее любил, но мне кажется, даже ты не можешь быть настолько глупым.

Виконт бросил письма назад на поднос и взял в руки свой букет.

— Я не собираюсь с тобой это обсуждать.

Его тон свидетельствовал о том, что разговор окончен. Но Шарлотта не обманывалась на этот счет, ведь Гермиона не признавала авторитета старшего брата. Семейство Марлоу славилось своей неформальностью отношений, за что неоднократно осуждалось представителями высшего света, и потому Шарлотта ничуть не удивлялась, что как глава семьи Себастьян не вызывал у Гермионы благоговейного трепета.

К счастью, дворецкий Фенвик вовремя явился в холл со шляпой, перчаткам и пальто Себастьяна, избавив брата и сестру от дальнейшей ссоры. Передав букет Гермионе, Себастьян надел пальто и перчатки.

Резкий сладкий аромат наполнил ноздри Шарлотты, и вновь, словно внезапный порыв ветра, ее охватила зависть.

Цветы. Гости. Балы.

Как же она мечтала об этом в последние несколько недель с того самого момента, как они с матерью получили от поверенного письмо, в котором сообщалось о кончине тети Урсулы и о том, что Шарлотта упомянута в ее завещании.

Себастьян протянул руку, и Гермиона вернула ему букет.

— Я думаю, ты совершаешь ужасную ошибку, — произнесла она, поморщившись так, словно от цветов исходил аромат навозной кучи.

— Но это мой выбор, — ответил Себастьян, недовольно хмурия брови.

— Ну зачем тебе эта скучная мисс Берк, когда вокруг множество других, гораздо более интересных девушек? — С этими словами Гермiona подтолкнула Шарлотту вперед. Снова. Да уж, тактичностью Гермiona никогда не отличалась. — Десять тысяч в год мисс Берк — ничто по сравнению с состоянием мисс Уилмонт.

Щеки Шарлотты обожгло краской стыда, а желудок скрутило судорогой.

— Гермiona, прошу тебя, — прошептала она. — Не надо.

Но Гермiona и не думала останавливаться. Только не теперь, когда у нее появился шанс хоть как-то уязвить своего благоразумного и скучного старшего брата.

— Готова поспорить, что уже завтра Шарлотта станет самой желанной молодой леди Лондона, особенно после того, как она унаследовала...

— Кольцо, — еле слышно пробормотала Шарлотта. — Это все, что я получила.

Гермiona тотчас же осеклась.

— Но твоя мать сказала, что ты унаследуешь...

Шарлотта замотала головой, чувствуя, как глаза обожгли слезы, грозя навлечь на нее еще большее унижение.

Сначала опустошающая новость о том, что легендарное наследство тети Урсулы оказалось всего лишь фикцией, затем гнев обманутой матери, и вот теперь очередное унижение, да еще в присутствии Себастьяна.

— Но как же все наши планы... — прошептала Гермiona, бросив взгляд на брата, а потом на подругу. Девушка на мгновение смутилась, но потом в ее сердце вновь вспыхнула надежда, которой она не теряла никогда и ни при каких условиях. — А кольцо большое? Может, оно с крупным бриллиантом, рубином или изумрудом? И его стоимости хватит, чтобы купить платье у мадам Клоди?

Шарлотта неохотно стянула перчатку и отвернулась, явив взору подруги кольцо.

— Симпатичное, — протянула Гермиона, разглядывая небольшое, странного вида кольцо и постаравшись придать своему голосу оптимизма. Она подняла глаза на подругу. — А ты уверена, что тетя больше ничего тебе не оставила? Может, какую-нибудь собственность? Ежегодную ренту, упоминание о которой поверенный просто просмотрел? Я слышала, иногда такие вещи остаются незамеченными.

Шарлотта покачала головой.

— Ничего. Ничего, кроме этого кольца.

Глаза Гермионы тут же наполнились слезами.

— О, Шарлотта, какая трагедия. Ужасная, невыносимая трагедия. — Склонная к драматизму, как и все Марлоу, Гермиона вытатила носовой платок и разрыдалась так горько, словно потерянное наследство предназначалось ей.

Шарлотта судорожно сглотнула, еле сдерживая собственные слезы. Выдержка, проявленная ею в юридической конторе, была достойна восхищения, но сейчас, в присутствии Гермионы и этого проклятого букета, ей было чрезвычайно сложно сдержаться и не дать волю слезам.

— Гм.. что ж, прошу меня извинить, — произнес Себастьян при виде столь бурного проявления женских эмоций. Он кивнул Шарлотте, а потом обратился к ожидавшему указаний дворецкому: — Передайте матери, чтобы она меня не ждала, потому что я обедаю с Берками.

— Ты с ними обедаешь? — фыркнула Гермиона, слезы на глазах которой тотчас же высохли от этой тревожной и ошеломляющей новости. — Почему?

— Потому что меня пригласили, — ответил Себастьян. — И к тому же мне нравится их общество.

Гермиона издала какой-то странный звук, похожий на шипение, но потом взяла себя в руки и последовала за братом.

— Полагаю, завтра ты приглашен и на устраиваемый ими завтрак в саду?

— Конечно, — ответил Себастьян. — И вам с мамой тоже стоит ко мне присоединиться. Только постарай-

тесь не опаздывать. — С этими словами он отвернулся от сестры и распахнул дверь.

— Вот ты где! — воскликнула стоявшая за дверью женщина, которая как раз подняла руку, намереваясь позвонить в колокольчик.

Шарлотта непроизвольно сжалась. Тетя Финелла.

Обеднев, Шарлотта с матерью вынуждены были поселиться у двоюродной сестры леди Уилмонт Финеллы Аппингтон-Хиггинс. Несколько лет назад Финелла унаследовала дом, а леди Уилмонт ежемесячно получала небольшое денежное пособие, как вдова сэра Нестора. Этих денег хватало трем экономным женщинам, чтобы свести концы с концами.

— Не обнаружив тебя в парке, я предположила, что ты отправилась сюда. — Презрительно фыркнув, Финелла критически оглядела холл дома Марлоу. Когда же ее взгляд упал на эбонитовое изваяние рядом с подносом, краска отлила от ее и без того бледного лица, и она поспешно отвернулась. Ярая поборница морали, она протянула руку и натянута произнесла: — Идем, Шарлотта. Ты нужна матери дома. Сейчас же.

О, Шарлотта знала, что это означает. Обида ее матери не имела границ, и теперь леди Уилмонт требовались слушатели, которым она могла бы излить свое возмущение и жалобы на тетюшку Урсулу, не сдержавшую обещание.

Наклонившись к подруге, Гермиона тихо прошептала:

— Я понимаю. Возвращайся, как только сможешь. Мы найдем способ исполнить твою заветную мечту.

Услышав эти слова, Шарлотта перевела взгляд на Себастьяна.

Свою заветную мечту. Он держал в руках букет, предназначавшийся другой женщине — женщине, на которой, если верить слухам, он собирался жениться.

Интересно, что бы сказала тетя Финелла — или, что еще хуже, ее мать, — если бы она тоже разразилась громкими горестными стенаниями?

Очевидно, они испытали бы точно такой же шок, какой читался сейчас на лице тети Финеллы, взгляд которой был прикован к драгоценному изваянию, горделиво возвышавшемуся на крышке сундука.

В сопроводительной записке к этой вещице, присланной лордом Уолбруком с одного из островов в южных морях, говорилось, что это самый настоящий музейный экспонат, а посему леди Уолбрук не моргнув глазом с гордостью выставила его на всеобщее обозрение.

Заметив блеск в прищуренных глазах Финеллы, Шарлотта уже не сомневалась относительно ее мнения о сокровище графа и о том, где ему самое место.

— Шарлотта, немедленно! — с трудом выдавила Финелла.

Бросив на подругу извиняющийся взгляд, Шарлотта позволила тете свести ее по ступеням.

— Доброго вам дня, мисс Уилмонт, — произнес Себастьян, обходя пожилую уличную торговку, ковылявшую мимо его дома с корзинкой в морщинистых руках.

— Цветы, милорд? — предложила она. — Для молодой леди?

— Э, нет. Спасибо, мадам, — ответил Себастьян указывая на букет в руках. — У меня уже есть.

— Ну, как скажете, — дерзко ответила торговка и, проходя мимо Шарлотты и Финеллы, пробормотала себе под нос: — Флердоранж. Фу!

— До свидания, лорд Трент, — прошептала Шарлотта ему вслеп, чувствуя себя так, словно видела его последний раз в жизни, хотя это было не так. Вероятно, завтра они снова увидятся, ведь она всегда приходила навещать Гермиону. Только с этого самого момента она больше не питала надежд в отношении Себастьяна Марлоу, виконта Трента, и отказалась от мечтаний о нем.

— Скатертью дорога, — пробормотала Финелла. — Никогда не пойму, что тебя так привлекает в этом семействе.